

S T U D I A P H I L O L O G I C A

С. Я. СЕНДЕРОВИЧ

ФИГУРА СОКРЫТИЯ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Том 4

О древнерусской письменности

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 811.161.1
ББК 81.031
С 31

Сендерович С. Я.

С 31 **Фигура сокрытия: Избранные работы. Том 4: О древнерусской письменности.** — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 232 с.

ISBN 978-5-907117-77-8

В этот том избранных работ С. Я. Сендеровича включены работы о древнерусской письменности. Большая часть из них посвящена расследованию историософского плана наиболее ранних русских текстов, «Слова о Законе и Благодати» и «Повести временных лет», выявлен их экзегетический характер, ведущий к прояснению глубинного смысла. В древнейшем поэтическом памятнике, «Слове о полку Игореве» реконструируется его связь с восточно- и южно-славянским фольклором, что позволяет обновленное чтение текста. Включено также расследование своеобразной истории русского имени Владимир.

УДК 811.161.1
ББК 81.031

В оформлении переплета использован рисунок Александра Рихтера

ISBN 978-5-907117-77-8

© Савелий Сендерович, текст, 2019
© Александр Рихтер, рисунок, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Слово о Законе и Благодати» как экзегетический текст	7
Св. Владимир: историография или агиография?	32
«Повесть временных лет»: историософия и поэтика	55
Историческое умозрение в ПВЛ	120
Заметки к ПВЛ	124
Англосаксонские параллели к агиографии Бориса и Глеба	136
«Слово о полку Игореве» в контексте восточно- и южнославянского фольклора	150
К истории русского имени Владимир	211
Указатель первых публикаций	225

«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» КАК ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

С именем киевского митрополита Илариона (XI в.) рукописная традиция связывает корпус текстов, часто обозначаемый по определению темы в начальных его строках как «Слово о законе и благодати» (далее — СЗБ). В него обычно включают и следующую за ним «Похвалу кагану нашему Володимеру», а иногда и следующую за этим Молитву.¹ Этот корпус представляет собой самые первые образцы авторской восточнославянской христианской мысли. Это первые документы древнерусского исторического самосознания. Но более того, это начало рефлексивной сердцевины всей русской культурной традиции — начало, связь с которым распознаваема до сегодняшнего дня. В рамках собственной эпохи эти тексты замечательны тем, что являются историософским прологом к древнерусскому летописанию, в частности к той общей начальной его части, которая находима в большинстве средневековых восточнославянских летописных сводов и известна под названием «Повести временных лет». Высказывались предположения о том, что Иларион мог быть одним из авторов ПВЛ.²

¹ Молдован А. М. *«Слово о законе и благодати» Илариона*. Киев, 1984; Идеино- философское наследие Илариона: В 2 т. / Отв. ред. А. А. Баженова. М., 1986. Для данного исследования проблема авторства несущественна. Условная, закреплённая традицией связь СЗБ с именем Илариона достаточна в качестве знака принадлежности его эпохе Ярослава Мудрого. В виду задачи этого исследования ничего не меняет решение вопроса о вхождении или невхождении Молитвы в этот текст.

² А. А. Шахматовым (см.: Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 417—419), а также Д. С. Лихачевым (см.: Розов Н. Н. «К вопросу об участии Илариона в начальном летописании» // *Летописи и хроники*. М., 1973. С. 31-36).

Концептуальная и языковая связь СЗБ с ранним русским летописанием заслуживает самого пристального внимания, так как приводит к более глубокому пониманию последнего.

* * *

Попытки понять СЗБ начались с момента его публикации полтора десятилетия назад и первых комментариев и продолжаются до сего дня. При этом преобладает модернизация мышления его автора. Задача данного рассмотрения заключается в том, чтобы прочесть этот текст в соответствии с формами мышления его времени и, соответственно, в нахождении методологически адекватного подхода и демонстрации его результатов. Комментаторы СЗБ неизменно отправлялись от противопоставлений, оппозиций, которыми пронизан весь текст. Попытки понять направленность мысли Илариона привели к ряду гипотез: что СЗБ направлено против киевских евреев,³ против Византии,⁴ против болгар,⁵ против хазар, исповедующих иудаизм.⁶ Как показали М. Робинсон и Л. Сазонова,⁷ едва ли не все эти политические противники реконструированы неосновательно. Их вывод: «...богословский, церковно-идеологический, а не политический смысл имеют рассуждения Илариона о соотношении Ветхого и Ново-

³ Шевырев С. П. *История русской словесности*. М., 1860. Ч. 2; Топоров В. Н. «Слово о законе и благодати» и истоки древнерусской литературы // *Wiener slavistisches Jahrbuch*, 1983, Bd 29, S 91—103.

⁴ Жданов И. Н. Соч. в 2 тт. СПб., 1904 (Слово о Законе и Благодати и Похвала кагану Владимиру. Т 1, с. 1-80), Абрамов А. И. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона как русская историософская реакция на христианско-идеологическую экспансию Византии // *Идейно-философское наследие Илариона Киевского*. М., 1986. Ч. 2, с. 84—97.

⁵ Приселков М. Д. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.* СПб., 1913.

⁶ Кожин В. «Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи» // *Вопросы литературы*, 1988, № 12, с. 130—150.

⁷ Робинсон М., Сазонова Л. «Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания “Слова о законе и благодати” Илариона» // Там же С. 151—175.

го Завета, иудаизма и христианства».⁸ Но и такое мнение далеко от удовлетворительного, особенно в свете следующего представления: «Агитируя за христианскую веру, пропагандируя ее среди своих соотечественников, стремясь углубить понимание ее преимуществ, Иларион действовал как один из первоучителей русской церкви».⁹ Агитатором и пропагандистом считали Илариона и предшественники Сазоновой и Робинсона. «Пропаганда» — любимое слово И. Жданова в его диссертации 1880 г. об Иларионе. Дело не в модернизующем (или католицизирующем) слове «пропаганда»; если даже и заменить его каким-либо более подходящим словом, выражающим идею миссионерской функции, то и в этом случае будет иметь место упрощение, которое ведет к утрате подлинной смысловой перспективы. Когда обращают в свою веру, не рассчитывают на знакомство с её священными текстами и не обращаются к их проблемным аспектам. Типичный образец миссионерской речи — это речь грека-философа в ПВЛ. СЗБ сложно по мысли и содержит ссылки на нелегкие тексты, которые используются в их отнюдь не очевидном смысле, известном только посвященным, только в недрах традиции. СЗБ — это произведение христианского мыслителя, а не рядового апологета. Он развивает новую мысль, а не приводит стандартные доводы в пользу христианства (как то предлагает и цитируемый Робинсоном и Сазоновой К.Д. Зеeman). Решающими для понимания мысли Илариона являются два обстоятельства: культурный контекст эпохи и характер его мышления — оба взятые без упрощений. Что касается культурного контекста, то тут существует оправданное согласие между всеми исследователями текста: СЗБ создано в эпоху Ярослава Владимировича, эпоху, заложившую основы национального самосознания восточных славян. Почему мы это знаем? Потому что следствием этой эпохи стало важнейшее явление восточнославянской культурной истории — летописание. Вопрос, однако, заключается в том, каково смысловое пространство, в котором нужно

⁸ Там же С 175. Ср также Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind*. Cambridge, Mass., 1966, v. 1, p. 92.

⁹ Робинсон М., Сазонова Л. «Мнимая и реальная историческая действительность», с. 175.

представлять себе первичную национальную рефлексию. Мой ответ: прежде всего — в историософском.¹⁰ Как мы знаем это по ПВЛ, задача ранней русской христианской мысли была — привить русскую историю на древе истории универсальной. ПВЛ дважды, в двух разных местах своего повествования находит место славянам в истории, выводимой из библейского расселения народов. ПВЛ в целом, как и речь грека-философа перед князем Владимиром Святославичем, опираются на универсальную, или Священную, историю. Универсальной истории как последовательности Ветхого и Нового Заветов учила Библия, этому учили и Паримейные (профетологические) литургические чтения, и святоотеческая литература, и Хроника Георгия Амартола — самое раннее историческое чтение в Киеве. История и есть вообще основное измерение христианского культурного сознания. И проблема начала русской истории и ее места в истории универсальной — это общий знаменатель всех ранних киевских текстов: и летописания, и агиографии, и литургики в ее гимнографической и профетологической частях, и гомилетики. В том же направлении ведет нас и внимание к характеру мышления автора СЗБ. Об этом и пойдет речь. На этом пути мы сумеем выяснить конкретный смысл текста. Он заключается не в некоторой полемической идее, как это принято было думать, а в историософской концепции, которая разворачивается в своем сложном составе — это своего рода складень, который может быть понят, если развернуть его композицию.

* * *

Немаловажен вопрос об оригинальности текста. В этом отношении существуют две крайности. Одна крайность — это отрицание оригинальности и сведение всей работы автора СЗБ к компиляции, как это полагал крупный знаток славянских древностей Г.М. Барац.¹¹

¹⁰ Ср. сходную мысль Федотова: Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind*, v. 1, p. 91.

¹¹ Барац Г. М. *Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнейшей письменности*. Париж, 1927 («Источники Слова о Законе и Благодати и Евангелистой песни», с. 823-900).